

Арктика и Север. 2023. № 50. С. 272–285.

Научная статья

УДК [008+2+94](470.1/.2)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.272

Земская традиция как особо ценное нематериальное культурное наследие Русского Севера (сакральная география и геософия севернорусского мира)

Теребихин Николай Михайлович¹ ✉, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник

¹ Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени Н.П. Лавёрова РАН, наб. Северной Двины, 23, Архангельск, 163000, Россия

¹ terebihinn@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2981-285X>

Аннотация. В статье представлены научные результаты исследования традиции земского самоуправления на Русском Севере как особо ценного нематериального культурного наследия, образно-символический словарь (тезаурус) которого может быть использован при разработке идеологии и философии региональной стратегии и локальных проектов пространственного развития Северного макрорегиона. В концептосфере геокультурного пространства Русского Севера особое место занимает идея-концепция «земства» или «мира» как идеальной, эталонной формы религиозного и социокультурного землеустройства Поморья, являвшего собой заповедный остров-архипелаг, опутанный сетью автономных, самодержавных миров. Природно-культурный ландшафт севернорусского мира насыщен «соборной» и «софийной» семантикой и символикой освоения, личности, самости, свободы, всеединства, троичности, мерности, изящности, премудрости. Исследованы культурно-семиотические механизмы славяно-русского освоения земель и вод полуночного Края Света, изучена сакральная география и геософия «верховского» и «низовского» потоков колонизации регионов Севера и Арктики. Особое внимание уделено изложению опыта и практик сохранения и адаптации сакрального наследия, связанного с землеустройством и освящением территорий и акваторий Поморья (Кенозерский национальный парк, Нарьян-Марская и Мезенская епархия, проект «Общее дело. Возрождение деревянных храмов Севера»).

Ключевые слова: *земство, мир, соборность, София Премудрость Божия, троичность, пространственное развитие, Русский Север, Арктика, Поморье*

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-28-20502 «Геокультурные константы, концепты и образы Российской Арктики как культурный код и символический ресурс пространственного развития Северного макрорегиона», <https://rscf.ru/project/22-28-20502/>.

Zemstvo Tradition as a Particularly Valuable Intangible Cultural Heritage of the Russian North

Nikolay N. Terebikhin¹ ✉, Dr. Sci. (Phil.), Professor, Chief Researcher

* © Теребихин Н.М., 2023

Для цитирования: Теребихин Н.М. Земская традиция как особо ценное нематериальное культурное наследие Русского Севера (сакральная география и геософия севернорусского мира) // Арктика и Север. 2023. № 50. С. 272–285. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.272

For citation: Terebikhin N.M. Zemstvo Tradition as a Particularly Valuable Intangible Cultural Heritage of the Russian North. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, no. 50, pp. 272–285. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.272

¹ Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 109, Arkhangelsk, 163069, Russia

¹ terebihinn@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2981-285X>

Abstract. The article presents the scientific results obtained during the study of the zemstvo self-government tradition in the Russian North. This tradition is considered as a particularly valuable intangible cultural heritage. Its image-symbolical vocabulary (thesaurus) could be used in development of a regional strategy and local projects for the spatial development of the northern macroregion. The idea-concept of “zemstvo” (“mir”) holds a unique position within the conceptual sphere of the Russian North’ geocultural space. It is an ideal, canonical form of religious and sociocultural land management of Pomorye, which appears as reserved island-archipelago covered by web of autonomous, autocratical communities. The natural and cultural landscape of the Northern Russian mir is replete with “conciliar” and “sophian” semantics and symbolics of development, specialness, selfness, freedom, unitotality, triality, rhythmicity, gracefulness, wisdom. The cultural and semiotic mechanisms of the Slavic-Russian development of the lands and waters of the midnight Edge of the World are studied. Sacred geography and geosophy of “verhovskiy” and “nizovskiy” colonization streams of the North and the Arctic regions are revealed. Special attention is paid to the presentation of the experience and practices of preserving and adapting the sacred heritage associated with land management and consecration of territories and water areas of Pomorye (Kenezerskiy National Park, Naryan-Mar and Mezen Diocese, the project “Common Cause. Revival of Wooden Temples of the North”).

Keywords: *zemstvo, mir, conciliarity, Sophia the Wisdom of God, triality, spatial development, Russian North, Arctic, Pomorye*

В Год культурного наследия народов России представляется крайне востребованным и насущным обращение к тем основоположным идеям, ценностям и символам, которые определили особость, самобытность традиционного лада и уклада Русского Севера, превратившего его в заповедную территорию смыслов и целостный ансамбль-памятник отечественной и мировой культуры, насыщенный мощной прообразовательной, эйдетической энергией, пребывающей ныне «в снятом виде», «под спудом», но могущей при её актуализации (высвобождении) стать идейным источником и образно-символическим ресурсом проектов пространственного развития северных и арктических территорий. По мнению известного российского архитектора, академика А.В. Бокова, стратегия пространственного развития «определяется ценностями и целями, категориями более общими, устойчивыми, фундаментальными и высокими, принадлежащими не столько области повседневного и материального, сколько тому, что принято связывать с духовной культурой и ментальностью общества. <...> Цели и ценности, которым явно или неявно подчиняются и экономическая стратегия, и развитие ВПК, и стратегия пространственного развития возникают и формируются внутри культуры, приобретая очертания “идеологии”» [1, Боков А.В., с. 16–17].

В иерархии идеосферы и концептосферы Русского Севера, в его священном геокультурном тезаурусе особо значимое место занимает идея-концепция «земства» или «мира», восходящая к славяно-русской общинно-вечевой, «соборной» традиции «Земле(Миро)устроения» как особо ценного, уникального нематериального наследия, творческое усвоение и приятие которого имеет первостепенное значение для разработки идеологии и философии современных региональных и локальных «культурных скриптов» (сценариев) пространственного развития Северного макрорегиона.

Ядерной геокультурной константой, структурной парадигмой природно-культурного ландшафта Северной Руси является образ Собора, который в своём природном (геоморфологическом) изводе-облике выступает в качестве первосимвола «Острова-Архипелага» как всеединого и многообразного собрания земель, вод и насельников Русского Мира.

Идея-принцип соборности оформляла и структурировала геокультурное пространство Русского Севера, являлась краеугольным камнем, заложенным в социокультурный фундамент землеустройства Северного края, его религиозных начал, породивших институты, смыслы и ценности традиционного земского «самодержавного» народоправства, которые определили самобытность стиля и образа жизни поморских городов, уездов и волостей, и которые могут служить идеациональной проектной парадигмой современного обустройства местного самоуправления. Эйдос «народного общежительства» в Поморье обладал высочайшим порождающим потенциалом и сакральным авторитетом, позволявшим, несмотря на петровские регламентации, регулярности и рестрикции, сохранить самый дух земской традиции, её смысложизненные координаты вплоть до эпохи смутных времён и дворцовых переворотов XX в.

Ещё в начале прошлого столетия исследователи церковного быта Архангельской епархии отмечали, что «идеал древнерусского прихода как учреждения общинного продолжает ещё жить в сознании простого народа, выражаясь часто в фактах, противоречащих существующим церковно-гражданским учреждениям» [2, Сельский священник, с. 19]. Известный русский историограф истории и феноменологии русского права и земской церкви на Севере России С.В. Юшков пришёл к выводу о том, что «автономия мирского прихода отвечала мирскому мировоззрению, воспитанному на земском самоуправлении и была своего рода идеалом церковно-приходской жизни, по мнению северных мирских людей» [3, с. 8]. В современной отечественной историографии, опирающейся на данные широких сравнительно-исторических исследований, установлены типологические схождения между структурами и институтами «общинно-вечевого» строя городов-государств (земель, волостей) Древней Руси и социально-политической организацией древнегреческих полисов [4, Дворниченко А.Ю.]. Подобное сопоставление вечевой (земской) традиции северных и арктических земель и пределов Дома Святой Софии с городской гражданской общиной античной Греции позволяет нам актуализировать статус традиционного земского самоуправления на Русском Севере как идеальной формы религиозного и социокультурного местоустройства и месторазвития. По мнению известного исследователя древнегреческого полиса И.Е. Сурикова, «в полисе нет ничего “недоделанного”. Он напоминает произведение искусства, поражающее совершенством своего исполнения, является системой настолько продуманной и отточенной во всех деталях, что уже ничего “ни прибавить, ни убавить”. Полис — некая великолепная целостность, социальный и духовный “космос”. По нашему глубокому убеждению, это вообще самый совершенный тип общности людей, какой только существовал когда-либо в ми-

ровой истории. Он в наибольшей степени способствовал развитию как личности, так и коллектива» [5, с. 42].

Столь высокая оценка социально-политической организации полиса вполне приложима и к соборному строю севернорусских миров (земств), являвших собой созданное по заповедям Меры и Красоты софийное произведение севернорусского социокультурного творчества («художества»). Это творчество зижделось на мощном основании живой северной сакральной традиции, структурная парадигма которой (символ «Всеединства»), порождала всё новые и новые геокультурные тексты (произведения), которые, сообразно с вневременной логикой мифа о вечном возвращении и технологией традиционного изящного искусства, являлись искусными «переводами» (копиями) извечных мер, канонов, образцов («подлинников»). Консервирующие, «подмораживающие» опции земского самоуправления на Русском Севере, сохранявшего и приумножавшего религиозно-культурное наследие метрополии — Господина Великого Новгорода, неоднократно отмечались исследователями церковной старины Поморья: «Не только основные черты приходской жизни, но и вообще все самобытные черты древней церкви и культуры Новгорода и его владений, были закрыты консервативными порядками земского самоуправления от посторонних влияний» [3, Юшков С.В., с. 3].

Длительная сохранность и продуктивность «буквы и духа» земской традиции в Поморье после потрясших устои Древней Руси реформ патриарха Никона и централизации церковно-приходского и административно-территориального устройства России в царствование Петра I была обусловлена её симбиозом с соборным строем староверческих общин: «Развитие и укоренение раскола в Северном крае объяснимо до конца лишь в том случае, если мы примем во внимание существовавшую организацию прихода, именно, “автономию” религиозных общин, граничащую с произволом» [3, Юшков С.В., с. 3]. На все поновления, вызовы и вопрошания «бунташного века» появились «Поморские ответы», позволившие сохранить на Севере уникальный священный космос старой веры как духовной опоры земского собора — мира. Столь длительное сохранение традиционной народной философии всеединства, жизни и смерти «на миру», «общего дела» («всем миром») свидетельствует о том, что концепт мира (земства) принадлежит к числу вечных идей-констант русского мирозерцания, его сакрального ядра. Неслучайно поэтому, что в «Словаре русской культуры» Ю.С. Степанова концепт «Мир», сопряжённый с концептами «Свои-Чужие», «Место (пространство)», «Свой, свой народ», «закон, законность», «Мораль, этика» [6, с. 86–126], занимает первостатейное место в списке словарных статей и в иерархии культурных констант. В исследованиях «новомосковской школы лингвокультурологического (концептуального) анализа» ключевой концепт «мир» ассоциирован с идеями и образами «лада», «покоя», «уютя», «строая», «обустройства», «смирения», «примирения» [7, Шмелев А.Д.]. В фундаментальных трудах классика русской историографии М.М. Богословского, посвящённых изучению истории, исторической географии и «анатомии, физиологии и патологии» земского самоуправления на Рус-

ском Севере (Поморье) в XVII в. концепт «мір» рассматривается как «общественный союз, связанный интересами общего блага» [8, с. 192]. Севернорусский мір предстаёт в образе самодостаточного, самостийного, самобытного, самодержавного стройного микрокосмосоциума, обладающего в глазах мірян высшим сакральным авторитетом: «На обязанности членов міра надлежало быть в міру смирными, жить с міром «советно» и не совершать никаких действий, затрагивающих общие интересы «без мірского ведома» [8, Богословский М., с. 193].

Безусловно, использование М.М. Богословским идеологием «общего блага» и «общих интересов», которые, по мысли историографа, лежат в аксиологических основаниях міра, является модернизацией и дескрализацией священных начал соборного персонализма северного землеустройства. Мір как духовная целостность, как соборная личность предшествует множеству отдельных своих членов-мірян, собранных воедино, «по Хомякову, отнюдь не общностью интересов, но связью духовной и нравственной, связью общей любви» [9, Хоружий С.С.].

Мір являлся соборным стражем и толкователем-экзегетом священных текстов местного Предания, права и нравственного закона, зеркалом совести, хранителем памяти, блюстителем Меры и Красоты земского Домостроя, созидавшегося в процессе славяно-русской (новгородской) колонизации северных и арктических территорий Поморья по образу и подобию священного землеустройства Господина Великого Новгорода — Дома Святой Софии. Исследуя происхождение и внутренний смысл древнегреческого слова «σοφία», выдающийся русский лингвист В.Н. Топоров отметил, что «это слово и стоящее за ним понятие мифологема» относятся «к числу ключевых и основоположных в европейской и ближневосточной духовной культуре на протяжении последних трёх тысячелетий» [10, с. 148]. Этимологический анализ первоначальной семантической мотивировки слова «софия» позволил В.Н. Топорову выявить её двойственность, которая ориентирует, с одной стороны, «на понятие обособления, выделенности, самости (принцип индивидуализации), а с другой — указывает на включённость в некую общность (процесс генерализации). Оба эти круга значений, как и оба указанных процесса, теснейшим образом связаны с более специальной идеей освоения, превращения не-своего в своё». С первым семантическим кругом ассоциированы слова, обозначающие «особность», «отдельность», «выделенность». Второй круг образован «соборным» словарём («собрание», «сельская община», «дом», «свобода-слобода») [10, Топоров В.Н., с. 160–161].

Выявленная В.Н. Топоровым «семантическая амбивалентность σοφία (или, вернее, упорядоченное чередование друг друга сменяющих смыслов)» [10, с. 167] обусловила, на наш взгляд, двойственность, точнее, двуединство образа св. Софии как знамени и иконы славянорусского колониального (эсхатологического) исхода в полуночные страны мистического Северо-Востока и структурной парадигмы устройства (творения) нового міра, которая порождала, с одной стороны, мужественный пафос героического мифа и ритуала освоения,

обособления, разделения, рассечения водно-лесного хаоса пространства «финской Руси» (А. Блок), а с другой — женственную космогоническую символику собирания миро- и домостроительства. Семантическая «двузначность» лексемы и мифологемы «София» переключается с двумя богословскими и иеротопическими традициями восприятия Церкви в русских землях: «Одна в большей степени ощущала Церковь как Тело Христово и в акте создания храма Премудростью акцентировала образ Премудрости-Христа. Вторая воспринимала Церковь как Богородицу, утробу, вместившую Христа, защиту, ограду; в стихе “Премудрость созда себе дом” эта традиция сосредотачивала внимание на образе Дома-Богородицы. Первая, новгородская, создала глубокий культ храма св. Софии. Вторая, восходившая к древнему Киеву и развивавшаяся в Северо-Восточной и затем Московской Руси, почитала прежде всего богородичные церкви» [11, Плюханова М.Б., с. 503].

Сакральная география софийских и богородичных (успенских) храмов соплагается с колониальной (освоенческой) географией Верхней и Нижней Руси, священные центры которых явились исходными локусами (метрополиями) двух потоков («верховской»-новгородской и «низовской»-ростовской) колонизации Поморья, развёртывавшихся под путеводными иконами-образами Святой Софии Премудрости Божией и Успения Пресвятой Богородицы.

Одним из первооткрывателей-первопроходцев сакральной географии святого царства Северной Фиваиды явился известный русский этнограф и бытописатель С.В. Максимов, который не только создал иеротопическую карту островных монастырей северной Руси, но и воссоздал символические пути и перепутья русского освоения земноводных просторов Севера и Арктики, начертав эсхатологический путь-исход пространственной иконы храма св. Софии из Царьграда в первую столицу Сибири — Тобольск, где «сохраняется храм Святой Софии в наглядное доказательство прямой связи и зависимости колонизации по отдалённому приему от византийской через киевскую и полоцкую и по ближайшему и родному через Софию вологодскую и соликамскую от Новгорода, который по древней пророческой народной пословице только “там, где Святая София”» [12, Максимов С.В., с. 289]. Софийская символика пронизывала и сакральное пространство столицы Русского Севера — Архангельска, древнейшим храмом которого, по свидетельству С.В. Максимова, являлся Спасо-Преображенский собор: «По обычаю всех новгородских поселенцев, не имеющему нигде исключения, и в противоположность встречной колонизации, шедшей по Оке и её притокам с храмами “Пречистой”, первая русская церковь нового города посвящена Спасу (Преображения), также с неизбежным и обязательным для всего русского севера приделом Николы» [12, с. 304]. Образ новгородской Софии роднит «спасо-преображенский» Архангельск с «успенской» Вологдой, главным храмом которой был Софийский Успенский собор, «её Спас (Спас потому, что храмы, называвшиеся Софийскими, посвящались Ипостасной Премудрости, то есть Второму Лицу Святой Троицы)» [12, с. 286].

В сакральном пространстве Верхней и Нижней Руси софийские и успенские соборы в их женственной (богородичной) ипостаси «дополнялись» храмами во имя Архангела Михаила и вмч. Георгия Победоносца с их мужественной символикой воинского подвига, путеводительства и змеборчества, в которых распознаются типологические схождения с космогоническими (землеустроительными) мотивами и схемами «основного мифа» о борьбе Громовержца с его противником (Змеем), из рассечённого жертвенного тела которого развёртывается (собирается) новый Мир. «Сами храмы, особенно София, будучи воспроизведением византийских образцов, сохраняли сложный богословско-символический смысл идей и образов Премудрости и змеборчества как двух начал, которыми устраивается и оберегается христианский мир» [13, Плюханова М.Б., с. 228].

Если верховская колонизация создала иеротопическую симфонию софийного собора Спасо-Преображения и монастырского храма архангела Михаила в столице северного Поморья — Архангельске, насыщая и просветляя геокультурное пространство Севера и Арктики преображенной символикой Фаворского света и эсхатологического поединка Архистратига небесных сил с мировым змеем-драконом на краю времени и пространства, то низовской освоенческий поток, исходивший из Ростова Великого, был ознаменован возведением символического ансамбля соборной Успенской церкви и Михайло-Архангельского монастыря в Великом Устюге — столице южного Поморья, ставшего уделом Пресвятой Богородицы. «Отсюда традиция посвящать различным областям Руси или православного мира Образы Пречистой Девы Богородицы, которые в русской традиции называются по имени местности — Тихвинская, Казанская, Смоленская, Феодоровская, Иверская, Владимирская и т.д. Пространство мира упорядоченно этими священными образами, создающими из материального пространства нематериальное, из обычного пейзажа — небесную землю. Это не просто проявление женского начала в христианском контексте, это трансформация, пресуществление земного, телесного в горнее и сакральное, в структуру Святой Руси» [14, Дугин А.Г., с. 384].

Метафизика соборного строя земского самоуправления на Русском Севере явлена в образе Троицы как ключевом концепте-термине православной триадологии (тринитарного богословия) и русской религиозно-философской мысли, в умозрениях и созерцаниях которой число «три» и парадигма троичности («триединства») утверждались в качестве «наиболее общей характеристики бытия» [15, Флоренский П., с. 596]. В.Н. Топоров, развивавший традиции отечественной историософии и православной агиологии, раскрыл тринитарную структуру идеационного геософского кода «Русского мира», запечатлённую в основоположных категориях и идеях-концепциях, ставших «своеобразными идеологическими знаками» русской жизни (святость и священство, царство, земство-мир) [16, Топоров В.Н., с. 440]. Рассматривая взаимоотношения трёх фундаментальных идей-концептов русской картины мира, В.Н. Топоров отмечает, что «среди них особо следует выделить: 1) связь святости, царства и земства с трёхфункциональной схемой, исследованной Дюмезилем; 2) доминирующее положение святости в этой схеме; 3) невозможность ограничения священного только святостью

sensu stricto, присутствие его и в царстве и в земстве; 4) «священный» характер всего этого трёхчленного космоса русской жизни — святости, царства, земства» [17, Топоров В.Н., с. 189].

Севернорусское земство как малый мир (микрокосм) подобно большому миру — священному макрокосму русской жизни — воплощало в своей организации соборный первообраз Троицы и устроялось по законам Божественного Домостроительства и мирской софийной эстетики земного Домостроя, основанного на сокровенной геопозитической и иеротопической заповеди «как Мера и Красота скажут». Тернарная структура и символика северного мира, запечатлённая в изящной тринитарной формуле С.В. Юшкова («Мир един, но троичен в своих проявлениях») [3, Юшков С.В., с. 10], манифестированы в трёх его аспектах-ипостасях (церковный приход, волость, община), которые отображены как в архитектурно-ландшафтной композиции трёхчастного храмового ансамбля погоста, так и в триаде концентрических функционально-семантических сфер, различающихся степенью и качеством своей сакральности. В круге первом, очерчивающем силовое поле центра мира, располагаются знаковые места и объекты (погост, церковь, часовня, крест), обладающие наивысшей степенью сакральности. Второй круг образован «околоцерковным» (мирским) пространством, включающим церковную трапезу (место проведения мирских сходов-собраний, пиров-братчин, хранилище мирского архива, казны, пивного котла, палата мер и весов), притвор, паперть-крыльцо (место пребывания нищих, оглашенных и кающихся) и рыночную (ярмарочную) площадь — своеобразную севернорусскую земскую «агору». В круге третьем, составляющем хозяйственно-промысловую периферию священного космоса северного мира, располагаются как сугубо технологические объекты и пространства с низким семиотическим статусом (хозяйственный дворы, амбары, мельницы, поля, промысловые пути и уголья), так и локусы, наделённые мощной негативной («нечистой») семантикой сакрального центра «языческого» антимира, где обитают хромые боги подземного огня — кузнецы архаической мифологии (баня, овины, кузницы), который в геопозитике славянорусского мифа и ритуала противопоставляется топосу православного храма (церкви), что позволяет гипотетически усмотреть типологические схождения между бинарной семантической оппозицией христианского и «языческого» центров северного мира и биполярной организацией сакрального пространства древнегреческого полиса, в генезисе которого важную роль «сыграло основание крупных святилищ на границах полисной хоры, на самой что ни есть “периферии”. Такое святилище <...> служило сакральному “освоению” удалённого пространства, между ним и святынями города устанавливались незримые связи, возникало некое “силовое поле”, сакрализующее в идеале всю территорию полиса» [18, Суриков И.Е., с. 184].

Основание новых миров (земств) на землях иноприродного, инородческого и иноверческого Севера вписывалось в сюжет освоенческого переходного обряда, предполагавшего перенесение средоточных сакральных атрибутов и ценностей (образов, парадигм) метрополии («старого» Новгорода) на новое место, которое превращалось в «новый» («старый»)

Новгород с его вечевым «семисоборным» укладом, что перекликается с доместикационным ритуалом Великой греческой колонизации, в процессе развёртывания сюжета которого священный храмовый огонь метрополии переносился (перевозился) в выводимую колонию и возжигался вновь в святилищных и домашних очагах богини Гестии, в священном имени которой слита воедино «о-своительная» семантика «своего» («хозяйки») и «чужого» («госты»). В славяно-русской традиции переходный обряд освоения «чужого» нового пространства (дом, погост, селище) и превращения его в своё родное пространство «старого» местожительства сопровождался переносом на новое место сакральных образов (икон) и каких-либо атрибутов, связанных с очагом-печью «старой обители».

Сотворение нового мира начинается с космогонического акта воздвижения в его богоизбранном священном центре креста, возведения часовни или храма, который, по представлениям мирян, становится обителью, домом того святого, во имя которого освящена «земская» церковь. В традиционной севернорусской народной религиозности испомещаемый в храм святой становится, говоря современным языком, «юридическим лицом», собственником церковного строения и церковной земли, обретает статус своего, мирского, земского бога, с которым миряне вступают в договорные отношения, заключают с ним ряд соглашений: «В глазах людей того времени владельцем имущества, субъектом права на него являлся не приход, а самый храм, в котором с непонятною уже нам теперь живостью воображения олицетворялся и с которым отождествлялся тот святой, чьё имя храм носил» [19, Богословский М., с. 36]. Представления о реальном присутствии Бога в мирской церкви отразились в самом формуляре крестьянских рядных грамот и актов, где в качестве юридического лица указывается не сам храм, а имя святого. Идея пребывания Бога в тех или иных сакральных сооружениях или предметах нашла отражение и в народном именовании икон «богами» [20, Успенский Б.А., с. 118]. Поэтому земцы на Русском Севере не только возводили храмы-дома для своих богов, но имели и своих «иконных богов». Представление о своём земском боге, присутствующем в мире и соучаствующем в его земном соборном делании прекрасно выразил великий русский писатель Н.С. Лесков, который в своём житийно-сказовом повествовании о православном освоении и просвещении земель и народов северного «Края Света», эксплицировал ключевую идею (образ) русского народного («наивного») богословия: «Я более всяких или всех представлений о Божестве люблю этого нашего русского Бога, который творит себе обитель “за пазушкой”» [21, Лесков Н.С., с. 417].

На Руси иноземцы и инородцы «русским богом» именовали святителя Николая — покровителя мореходов и землепроходцев, североморский освоенческий путь которых ознаменован в сакральной лоции Студеного моря-океана путеводной чередой николевских храмов Поморья («От Холмогор до Колы — тридцать три Николы»).

Земские миры имели не только своего «запазушного» бога, но и своих священников-попов, избираемых и приглашаемых мирским сходом на приход для служения Богу и миру. Выдающийся русский писатель, философ, богослов, исследователь народной религиозности

и церковной старины Святой Руси С.Н. Дурылин, предпринявший ряд академических экспедиций и духовных хождений на Русский Север, где, по его «мифомыслительному» слову, «тихий ангел пролетел над землёю и водами — и утихло раз навсегда злое мирское волнение», — живописал в своём полевом дневнике проникновенную соборную всемирность служения местных, своих, земских попов: «И какие здесь попы! Всея бы России таких: он и пахарь, он и косец, он и ловец, он и гребец, он “свой” — свой не только мужику, он и скотинке свой, и озеру свой, ярко цветной северной пожне свой, а уж храму столетнему деревенскому, кондовому, с древними иконами, со скрипучей тяжёлой дверью, с Николой Можайским, всяческим заступником — он из своих-то свой» [22, Агеева Е.А., с. 8].

Свой земский бог, свой земский батюшка и свой земский храм выстраивали незримый духовный оплот мира, выступали священными стражами его соборного порога, оберегавшего земское всеединство в «смутные времена» природных и социальных потрясений и нестроений (эпидемии, эпизоотии, неурожай, голодоморы, пожары, войны и т. д.), для преодоления которых совершался обряд строительства «обыденного» храма (часовни или церкви) с жёстко регламентированной иеротопической программой, устанавливающей временные рамки ритуала (один день); состав участников (всем миром); строжайшее соблюдение всех этапов и деталей технологического строительного цикла [23].

Традиция обыденного храмоздательства укоренена в севернорусском земском иеротопическом творчестве («художестве изящных мастеров» Бориса Шергина) и составляет самобытную отрасль «умозрения в дереве», превратившего Русский Север в заповедный целостный «Спасо-обыденный» деревянный храмовый ансамбль, собирающий и сберегающий всеединство Русского Мира.

В мифопоэтических преданиях о строительном обряде «Спасо-обыденных» храмов изображается соборный «всеградский», «всемирский», «вселенский» характер обетного храмоздательского священнодействия на Русском Севере, социокультурное и религиозное пространство которого устроялось на мощном фундаменте народного самоуправления (земства — мира), способного к мгновенной мобилизации, к предельной концентрации своих духовных, душевных и телесных сил для собирания распавшегося космического всеединства.

Метафизика обыденного храмоздательства занимала важное место в церковно-археологических разысканиях и богословско-философском наследии русского мыслителя-космиста Н.Ф. Фёдорова. Храмовая иеротопия и символика воплощала ключевые идеи и философии его космического видения «Общего Дела», построенного по заповедям преподобного Сергия Радонежского — строителя «храма нераздельной, неслиянной Троице, как образца единодушия и согласия животворящего» [24, Федоров Н.Ф., с. 17].

Возведение обыденного храма всем миром в течение одного дня знаменовало воскресение (собрание) из небытия смутных времён целостного соборного тела малого и большого Мира, обращало народное («наивное») богословие к постижению премудрости и софийной красоты «Общего Слова» (со-гласия) и «Общего Дела» (со-трудничества), ставшего

ключевым концептом (символом) проекта «Общее дело. Возрождение деревянных храмов Севера», инициированного Благотворительным фондом возрождения храмов Отечества и поддержанного Святейшим Патриархом Московским и Всея Руси Кириллом. Проект, направленный на сохранение и восстановление деревянных храмов Русского Севера, возрождает не только материальные предметные знаки сакрального зодчества, но и самый дух северной земской традиции, собирающей воедино всех добровольных восстановителей храма, который становится точкой сборки их «поновлённого», преображённого мира-земства, создавшего в Поморье, по словам одного из идейных отцов-основателей движения «Общего дела» — протоиерея Дмитрия Смирнова, «замечательную деревянную цивилизацию»¹.

Неслучайно поэтому идея проекта добровольческого движения «Общего дела» зародилась у его руководителя — настоятеля московского храма преподобного Серафима Саровского, протоиерея Андрея Яковлева в бытность его в поморской деревне Ворзогоры, основанной в XVI в. на красивом «горнем» берегу Онежской губы Белого моря, после его встречи с местным старожилом, который на протяжении многих лет в одиночку поддерживал разрушающийся деревянный храмовый ансамбль-тройник, бывший некогда священным центром Ворзогорской волости. Отсюда, из Онежского Поморья развернулось широкое добровольческое движение «Общего дела», включившего в свои возрожденческие программы храмовое наследие «деревянной цивилизации» Русского Севера. 21 августа 2019 г. Ворзогоры посетил Святейший Патриарх Кирилл, который «высоко оценил работу добровольцев по восстановлению деревянных церквей Русского Севера, отметив, что храм является центром духовной жизни»². Подвижническая деятельность по православному освоению (освящению) арктических территорий и акваторий Северного макрорегиона в рамках патриаршего проекта «Русская Арктика» осуществляется в Нарьян-Марской и Мезенской епархии, возглавляемой Владыкой Иаковом, который по благословению Святейшего Патриарха Кирилла освятил самый северный храм во имя святителя Николая на острове Александры архипелага Земля Франца Иосифа, Северный Полюс Земли и Северный морской путь. На островах архипелага Новая Земля были воздвигнуты Патриаршие восьмиметровые поклонные кресты, и на сакральной карте Арктики появился остров Патриарший.

По словам Владыки Иакова, которого неофициально именуют «Владыкой Арктики», «епископом всея Арктики и Антарктики» (Владыка освящал первый православный храм в Антарктиде), «важно понимать, что в обосновании и реализации государственной стратегии развития Русской Арктики Церковь, наша епархия занимает особое место. Иван III послал в Заполярье “великую рать” не случайно — на фундаменте, основанном учениками и последователями преподобного Сергия, он созидал Северную Фиваиду. И в первосвятительском

¹ 25 марта прошла V научно-практическая конференция по проблемам сохранения и реставрации памятников деревянного зодчества «Возрождение деревянных храмов Русского Севера». URL: <https://bogoslav.ru/event/4880870> (дата обращения: 05.07.2022).

² Святейший Патриарх Кирилл осмотрел деревянные храмы в деревнях Ворзогоры и Подпорожье Архангельской области. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5488611.html> (дата обращения: 05.07.2022).

слове посетившего в этом году нашу епархию Святейшего Патриарха Кирилла слышится отзвук именно той, идущей из глубины веков духовной доминанты русского присутствия здесь, на Севере»³.

Вся идеосфера и концептосфера геокультурного пространства Русского Севера, его священного тезауруса развернуты в соборном природно-культурном ансамбле Кенозерного национального парка, сберегающего и развивающего многовековую мироустроительную традицию северных социумов. Кенозерье — это признанная творческая методологическая школа и заповедная парадигма сохранения и приумножения традиционного опыта местного (земского) самоуправления как ключевой землеустроительной идеологии и аксиологии стратегии пространственного развития малых исторических городов и сельских территорий Северного макрорегиона, с опорой на сакральное нематериальное культурное наследие Русского Севера (Поморья).

Список источников

1. Боков А.В. О стратегии пространственного развития // Теория и история архитектуры. 2018. № 4. С. 13–37.
2. Сельский священник. Древнерусский приход и его пережитки в церковно-общественной жизни Архангельской епархии. Архангельск: Типо-литография наследников Д. Горяйнова, 1916. 20 с.
3. Юшков С.В. Очерки из истории приходской жизни на Севере России в XV–XVII вв. Санкт-Петербург: Типография М.А. Александрова, 1913. 137 с.
4. Дворниченко А.Ю. Земская и государственная традиции в истории дореволюционной России // История. Мир прошлого в современном освещении / Под ред. А.Ю. Дворниченко. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2008. С. 459–474.
5. Суриков И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис. Курс лекций / Отв. ред. В.В. Дементьева, И.Е. Суриков. Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 8–54.
6. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Москва: Академический проект, 2004. 992 с.
7. Шмелев А.Д. В поисках мира и лада // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Москва: Языки славянской культуры, 2005. С. 110–129.
8. Богословский М. Земское самоуправление на Русском Севере. Т. 1. Москва: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1909. 435 с.
9. Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. Санкт-Петербург: Алетейя, 1994. 447 с.
10. Топоров В.Н. Ещё раз о др.-греч. ΣΟΦΙΑ: происхождение слова и его внутренний смысл // Структура текста / Отв. ред. Т.В. Цивьян. Москва: Наука, 1980. С. 148–173.
11. Плюханова М.Б. О традициях софийских и успенских церквей // Лотмановский сборник. Т. 2. Москва: Издательство О.Г.И. РГГУ, 1997. С. 483–510.
12. Максимов С.В. По Русской земле. Москва: Советская Россия, 1989. 526 с.
13. Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. Санкт-Петербург: Акрополь, 1995. 336 с.
14. Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Геософия: горизонты и цивилизации. Москва: Академический проект, 2017. 476 с.

³ Как на карте Арктики появился Патриарший остров. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5374538.html> (дата обращения: 05.07.2022).

15. Флоренский П. Заметки о троичности // Флоренский П. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. Москва, 1914. С. 593–599.
16. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. Москва: «Гнозис» — Школа «Языки русской культуры», 1995. 875 с.
17. Топоров В.Н. Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре — *Svet // Языки культуры и проблемы переводимости / Отв. ред. Б.А. Успенский. Москва: Наука, 1987. С. 184–252.
18. Суриков И.Е. Категория сакрального в пространственной модели античного греческого полиса // Восточная Европа в древности и средневековье: восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе / Отв. ред. Е.А. Мельникова. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2006. С. 181–186.
19. Богословский М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. Т. 2. Москва: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1912. 385 с.
20. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей: (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). Москва: Издательство Московского университета, 1982. 248 с.
21. Лесков Н.С. На краю света // Лесков Н.С. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Москва: Правда, 1981. С. 404–468.
22. Агеева Е.А. Водлозеро в записях С.Н. Дурылина в июле-августе 1917 года // Рябининские чтения — 2015. Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / Отв. ред. Т.Г. Иванова. Петрозаводск: ООО «МАКС-ПРИНТ», 2015. С. 6–8.
23. Теребихин Н.М. Ритуалы природных и социальных катастроф в традиционной ментальной экологии и этномедицине Русского Севера // Экология человека. 2016. № 8. С. 21–25.
24. Фёдоров Н.Ф. Из посмертных рукописей // Путь. 1929. № 18. С. 3–24.

References

1. Bokov A.V. O strategii prostranstvennogo razvitiya [The Strategy of Spatial Development]. *Teoriya i istoriya arkhitektury* [Architecture and Modern Information Technologies], 2018, no. 4, pp. 13–37.
2. *Sel'skiy svyashchennik. Drevnerusskiy prikhod i ego perezhitki v tserkovno-obshchestvennoy zhizni Arkhangel'skoy eparkhii* [Village Priest. Old Russian Parish and Its Remnants in the Church and Public Life of the Arkhangelsk Diocese]. Arkhangelsk, Tipo-litografiya naslednikov D. Goryaynova Publ., 1916, 20 p. (In Russ.)
3. Yushkov S.V. *Ocherki iz istorii prikhodskoy zhizni na Severe Rossii v XV–XVII vv* [Essays on the History of Parish Life in the North of Russia in the 15th–17th Centuries]. Saint Petersburg, Tipografiya M.A. Aleksandrova Publ., 1913, 137 p. (In Russ.)
4. Dvornichenko A.Yu., ed. *Zemskaya i gosudarstvennaya traditsii v istorii dorevolyutsionnoy Rossii* [Zemskaya and State Traditions in the History of Pre-Revolutionary Russia]. In: *Istoriya. Mir proshlogo v sovremennom osveshchenii* [History. The World of the Past in Modern Illumination]. Saint Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2008, pp. 459–474. (In Russ.)
5. Surikov I.E. *Grecheskiy polis arkhaischeskoy i klassicheskoy epokh* [Greek Polis of the Archaic and Classical Eras]. In: *Antichnyy polis. Kurs lektsiy* [Antique Polis. Course of Lectures]. Moscow, Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 2010, pp. 8–54. (In Russ.)
6. Stepanov Yu.S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2004, 992 p. (In Russ.)
7. Shmelev A.D. *V poiskakh mira i lada* [In Search of Peace and Harmony]. In: *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Language Picture of the World]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2005, pp. 110–129. (In Russ.)
8. Bogoslovskiy M. *Zemskoe samoupravlenie na Russkom Severe. T. 1* [Zemstvo Self-Government in the Russian North. Vol. 1]. Moscow, Imperatorskoe obshchestvo istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete Publ., 1909, 435 p. (In Russ.)
9. Khoruzhiy S.S. *Posle pereryva. Puti russkoy filosofii* [After the Break. Ways of Russian Philosophy]. Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 1994, 447 p. (In Russ.)

10. Toporov V.N. *Eshche raz o dr.-grech. ΣΟΦΙΑ: proiskhozhdenie slova i ego vnutrenniy smysl* [Once Again about Ancient Greek ΣΟΦΙΑ: The Origin of the Word and Its Inner Meaning]. In: *Struktura teksta* [Structure of the Text]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 148–173. (In Russ.)
11. Plyukhanova M.B. O traditsiyakh sofiiyskikh i uspenskikh tserkvey [On the Traditions of the Sofia and Uspenie Churches]. In: *Lotmanovskiy sbornik. T. 2* [Lotman Collection. Vol. 2]. Moscow, Russian State University For The Humanities Publ., 1997, pp. 483–510. (In Russ.)
12. Maksimov S.V. *Po Russkoy zemle* [On the Russian Land]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1989, 526 p. (In Russ.)
13. Plyukhanova M.B. *Syuzhety i simvolyy Moskovskogo tsarstva* [Plots and Symbols of the Muscovite Kingdom]. Saint Petersburg, Akropol Publ., 1995, 336 p. (In Russ.)
14. Dugin A.G. *Noomakhiya: voyny uma. Geosofiya: gorizonty i tsivilizatsii* [Noomachy: Wars of the Mind. Geosophy: Horizons and Civilizations]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2017, 476 p. (In Russ.)
15. Florenskiy P. Zametki o troichnosti [Notes on Trinity]. In: *Stolp i utverzhdenie istiny. Opyt pravoslavnoy teoditsei v dvenadtsati pis'makh* [Pillar and Affirmation of Truth. Experience of Orthodox Theodicy in Twelve Letters]. Moscow, 1914, pp. 593–599. (In Russ.)
16. Toporov V.N. *Svyatost' i svyatye v russkoy dukhovnoy kul'ture. T. 1. Pervyy vek khristianstva na Rusi* [Holiness and Saints in Russian Spiritual Culture. Vol. 1. The First Century of Christianity in Rus']. Moscow, "Gnozis" — Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Publ., 1995, 875 p. (In Russ.)
17. Toporov V.N. Ob odnom arkhainom indoevropeyskom elemente v drevnerusskoy dukhovnoy kul'ture — *Svet [About One Archaic Indo-European Element in Ancient Russian Spiritual Culture — *Svet]. In: *Yazyki kul'tury i problemy perevodimosti* [Languages of Culture and Problems of Translatability]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 184–252. (In Russ.)
18. Surikov I.E. Kategoriya sakral'nogo v prostranstvennoy modeli antichnogo grecheskogo polisa [The Category of the Sacred in the Spatial Model of the Ancient Greek Polis]. In: *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e: vospriyatie, modelirovanie i opisaniye prostranstva v antichnoy i srednevekovoy literature* [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages: Perception, Modeling and Description of Space in Ancient and Medieval Literature]. Moscow, Institut vseobshchey istorii RAS Publ., 2006, pp. 181–186. (In Russ.)
19. Bogoslovskiy M. *Zemskoe samoupravlenie na russkom Severe v XVII v. T. 2* [Zemstvo Self-Government in the Russian North in the 17th Century. Vol. 2]. Moscow, Imperatorskoe obshchestvo istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete Publ., 1912, 385 p. (In Russ.)
20. Uspenskiy B.A. *Filologicheskie razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey: (Relikty yazychestva v vostochnoslavianskom kul'te Nikolaya Mirlikiyskogo)* [Philological Research in the Field of Slavic Antiquities: (Relics of Paganism in the East Slavic Cult of Nicholas Mirlikiyskiy)]. Moscow, Moskovskiy universitet Publ., 1982, 248 p. (In Russ.)
21. Leskov N.S. Na krayu sveta [On the Edge of the World]. In: *Sobranie sochineniy v pyati tomakh. T. 1* [Collection of Works in Five Volumes. Vol. 1]. Moscow, Pravda Publ., 1981, pp. 404–468. (In Russ.)
22. Ageeva E.A. Vodlozero v zapisyakh S.N. Durylina v iyule-avguste 1917 goda [Vodlozero in the Notes of S.N. Durylin in July–August 1917]. In: *Ryabininskie chteniya — 2015. Materialy VII konferentsii po izucheniyu i aktualizatsii kul'turnogo naslediya Russkogo Severa* [Ryabinin'skye Readings — 2015. Proc. 7th Conf. on the Study and Actualization of the Cultural Heritage of the Russian North]. Petrozavodsk, Maks-Print Publ., 2015, pp. 6–8. (In Russ.)
23. Terebikhin N.M. Ritualy prirodnykh i sotsial'nykh katastrof v traditsionnoy mental'noy ekologii i etnomeditsine Russkogo Severa [Rituals of Natural and Social Disasters in Traditional Mental Ecology and Ethnomedicine of the Russian North]. *Ekologiya cheloveka* [Human Ecology], 2016, no. 8, pp. 21–25.
24. Fedorov N.F. Iz posmertnykh rukopisey [From Posthumous Manuscripts]. *Put'*, 1929, no. 18, pp. 3–24.

Статья поступила в редакцию 02.08.2022;
принята к публикации 03.08.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.